

Человечество вздохнуло свободно

— Оказывается, последние заканчивают войну корреспонденты...

В этом шутиловом замечании одного из наших генералов, присутствовавших при подписании акта безоговорочной капитуляции немецко-фашистского командования в Карлсхорсте, была, как и в каждой шутке, доля правды. В самом деле, из зала, откуда только что были удалены представители поверженного гитлеровского рейха, доносились уже громкие тосты и звуки музыки. Все, кто ранее присутствовал на исторической церемонии, сидели за столами, накрытыми, по шутилову обещанию Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова, чем торгов богаты. А писатели-фронтовики, хотя тоже были приглашены на банкет, примостились у телеграфных и телефонных аппаратов и торопливо заканчивали сообщения для своих газет — последние, которые мы писали как военные корреспонденты!

Мне удалось заранее застолбить для себя в здании военно-инженерного училища самый неприглядный телеграфный аппарат «бодо», притулившись на мансарде под весьма идилическим шифром «Кудель». Передача корреспонденции по «Кудели» закончилась к трем часам утра. Вскоре московский узел связи подтвердил, что дежуривший там сотрудник редакции газеты ВВС «Ста-

линский сокол» получил последние телеграфные листки.

В пятом часу я спустился на второй этаж, где по прямому телефонному проводу передавали в «Правду» очерк Борис Горбатов и его неизменный фронтовой спутник Мартын Мержанов.

Утомленный передачей четырехсот взволнованных строк, как говорится, с ходу, Горбатов с блокнотом в руке полулежал в кресле. А Мержанов, преодолевая усталость, перепроверял по телефону сланный в набор текст очерка «Капитуляция». Опубликованный в «Правде» 9 мая 1945 года, он начинался так:

«Восьмого мая тысяча девятьсот сорок пятого года человечество вздохнуло свободно.

Гитлеровская Германия поставлена на колени.

Война окончена.

Победа.

Что может быть сильнее, проще и человечнее этих слов!»

Когда Мержанов с облегчением спросил по телефону редакторного работника: «Значит, больше никаких неясностей?», Борис Горбатов порывисто вскочил с кресла и протянул соавтору блокнот:

— Погоди! Пусть вставят две фразы! В конце предпоследнего абзаца. Только две фразы!

Мержанов не взял блокнота. Поняв, однако, что спорить с возбужденным Горба-

товым бесполезно, сделал все-таки попытку убедить редакцию включить в очерк еще две фразы. Но ему ответили: полоса пошла на матрирование, нельзя добавить ни одного слова.

...Весть о капитуляции фашистской Германии выплеснулась уже на улицы Берлина и пригородов. В окна доносились первые раскаты импровизированных салютов наших воинов. И с новой силой постучалось в сердце: «Победа!». Я поспешил на улицу.

Из здания во двор вышел через какую-то боковую дверь. На часах — молодая матрос Днепровской военной флотилии. В нарушение устава караульной службы он с жизнелюбивой смешинкой обращается ко мне:

— Выходить, товарищ майор, теперь Гитлеру и усим Його гадам — полный амбел!

Певучий украинский говор мгновенно воскрешает в памяти детство и юность на родной Украине. И, поддавшись властному порыву, я усугубляю нарушение устава — обнимаю часового тут же на посту.

Из демаскированных окон льется непривычно ослепительный свет. Так мечтал увидеть эту картину в Москве, а довелось — в Берлине.

Предутренний холодок напоминает о майском Подмоковье. Аромат уцелевших яблоневых садов и особенно

сирени одолевает запах густо стлавшейся над Берлином гари. Где-то неподалеку звенят голосистые переливы русской гармонии.

Слышу залиvistую чашущу. Она доносится от походной кухни, где наши пехотинцы щедро угощают изголодавшихся берлинских ребятшек.

Фашист на Волгу шел
нахрапом,
А потом до Шпрее драпал.
И на Шпрее, на канале
Мы каналью доконали!
И тут же с другого конца
улицы долетает:

Гилеровцы — ах и ох!
Поднимают хенде хох.
Прошла капитуляция,
Пришла капитуляция!
Пришла.

...Уже чуть ли не в полдень мы с писателем Леонидом Коробовым, корреспондентом «Комсомольской правды», едем на повивавшем виды «опель-кадете» в центр Берлина.

Где-то в районе Шпандау-эристрассе видим лихо скачущую по берлинской мостовой, точнее — брусчатке, небольшую кавалерийскую колонну во главе с совсем юным рыжеволосым казаком. Кавалеристы вели своих коней к Ландвер-каналу на водопой. Зрелище до того необычное, что на казаков загляделись не только берлинские жители, но и наши офицеры.

Недалеко от перекрестка образовалась пробка. Молодая регулировщица с ме-

далью «За боевые заслуги» на гимнастерке и погонами младшего сержанта, естественно, разволновалась. Властным взмахом флажка остановила конников.

Молодой казак подчеркнуто смиренно взял под козырек и, сдерживая горячего коня, подъехал к регулировщице. Сначала девушка обдала его гневным взглядом, но потом широко улыбнулась, коротко что-то сказала, а увидев, что скопление машин растаяло, начальственно крикнула заглядевшимся на нее кавалеристам:

— Не задерживай движение! Проезжай! Побейте! Молодой казак снова откозырял и, затянув песню про буденновцев, повел конный строй к спуску.

Выйдя из машины, я спросил девушку:

— Откуда родом?

— Ихняя землячка, — кивнула она вслед удалявшимся кавалеристам. — Мы с ними донские.

Когда наша машина тронулась, Коробов сказал:

— Подумать только, едут по Берлину наши казаки. Штрих Победы.

«Едут, едут по Берлину наши казаки».

Эта строчка, по ритму очень песенная, не оставляла меня в самолете, на котором я летел в Москву.

Дома я оказался поздним вечером. Тут же позвонил замечательному композитору Дмитрию Яковлевичу Покрассу и прочитал ему по

телефону написанные в самолете стихи про молодого донского казака, повстречавшегося мне на берлинской улице.

— Если бы вы обратились к другому композитору, наша дружба пошла бы врозь, — услышал я от Покрасса. — Я как-никак буденновец. Написал марш буденновцев, написал с Алексеем Сурковым песню про конармейцев гражданской войны. Должен, значит, написать и про казаков в поверженном Берлине.

Вскоре мне позвонил по телефону младший брат и неизменный соавтор Дмитрия Яковлевича, так рано ушедший из жизни Даниил. Напел мне мелодию новой песни: «По берлинской мостовой кони шли на водопой, шли, потряхивая гривой, кони-дончачи», и попросил исправить некоторые последующие строчки.

А под утро Дмитрий Яковлевич, положив телефонную трубку на рояль, сыграл и дуэтом с Даниилом спел мне только что родившуюся, тепленькую, как он выразился, песню.

Мы называли ее «Казаки в Берлине».

Когда она прозвучала по радио, мне почему-то (теперь-то я понимаю — почему!) вспомнились пламенные слова из очерка в «Правде»:

«Человечество вздохнуло свободно».

Цезарь СОЛОДАРЬ.